

называемых неводворенных русских переселенцев составило около 7 тыс. человек. Предвидя в 1892 г. новый наплыв мигрантов из голодных губерний России, туркестанская администрация обращается с просьбой к правительству запретить движение русских крестьян в Среднюю Азию. Министерство внутренних дел дает указание властям Тамбовской, Самарской и Пензенской губерний «...принять необходимые меры к прекращению самовольного переселения в Туркестанское генерал-губернаторство, Закаспийскую область и возвращать самовольных крестьян-переселенцев на места их прежнего жительства»²⁵. В 1893 г. поток переселенцев несколько ослаб. По данным переписи 1897 г., в городах и селах Закаспийской области проживало более 33 тыс. выходцев из России; в Самаркандской – 14 тыс., в Ферганской – около 9 тыс. человек. Общая численность русских жителей в Бухарском и Хивинском ханствах, находившихся в вассальной зависимости от России, достигала в 1897 г. 16 тыс. человек²⁶.

Таким образом, обобщая приведенные выше данные, можно сделать вывод, что в конце XIX – начале XX в. Средняя Азия активно заселялась русскими крестьянами. Создавались новые поселения, крестьяне приносили в этот регион новые порядки и образ жизни. Однако процесс переселения тормозило государство, поздно принявшее закон о переселении и медленно проводившее выделение земель для переселений. Довольно часто места для поселений выбирались неудачно, и крестьяне уходили с выделенных им земель. Кроме того, крестьяне не умели строить оросительные системы, необходимые для данного региона, а большое количество свободных земель приводило к их нерациональному использованию.

Примечания

¹ Кауфман К. П. Проект всеподданнейшего отчета по гражданскому управлению и устройству Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1885.

- ² Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае. (1870–1910 года) // Исторический вестн. 1913. № 11. С. 438–465.
- ³ Костенко Л. Ф. Туркестанские войска и условия их бытовой походной и боевой жизни // Военный сборник. 1875. № 4. С. 204–222.
- ⁴ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
- ⁵ Бахрушин С. В. История народов Узбекистана. М., 1947.
- ⁶ Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.
- ⁷ Абашинов С. Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации в 1860–1880-х годах // Вестн. Евразии. 2001. № 4. С. 35–62.
- ⁸ См.: Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX века. М., 1980; Бекмаханова Н. Е., Кабузан В. И. Русско-украинская миграция в Казахстане с XIX – начале XX в. // Изв. АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1982. № 2.
- ⁹ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁰ Глуценко Е. А. Указ. соч. С. 416.
- ¹¹ Тумайкина В. В. Г. А. Колпаковский – организатор крестьянского переселения в Туркестанский край // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2009. № 4. С. 222.
- ¹² Кауфман А. А. Указ. соч. С. 31.
- ¹³ Кауфман К. П. Указ. соч. С. 197.
- ¹⁴ Там же. С. 198.
- ¹⁵ Бекмаханова Н. Е., Кабузан В. И. Указ. соч. С. 15–16.
- ¹⁶ Тумайкина В. В. Указ. соч. С. 223.
- ¹⁷ Цит. по: Кауфман А. А. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁸ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 31.
- ¹⁹ Там же. С. 41.
- ²⁰ Там же. С. 298.
- ²¹ Там же. С. 337.
- ²² Там же. С. 340.
- ²³ Тен К. П. Русское население Средней Азии // История СССР. 1968. № 4. С. 21–40.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 146–147.
- ²⁶ Бекмаханова Н. Е. Указ. соч. С. 202.

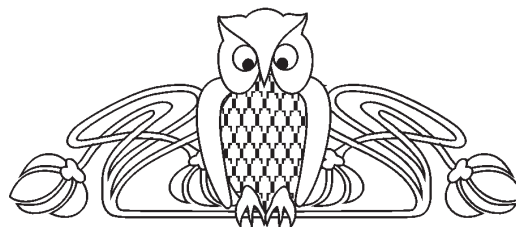
УДК 94(4)»1914/19»

ВОСПРИЯТИЕ ВОЙНЫ И ПЛЕННЫХ ТРОЙСТВЕННОГО СОЮЗА ТАТАРАМИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Э. Е. Абдрашитов

Казанский институт социально гуманитарных знаний, Татарстан
E-mail: b-el@rambler.ru

Мировосприятие татар Казанской губернии, которое распадается на ряд сегментов, не подвергалось тщательному анализу со стороны исторического сообщества. Долгое время татарский общественно-

политический дискурс ассоциировался с мусульманским, несмотря на то что понятия эти далеко не равнозначны. В статье предпринята попытка реконструкции образа войны и врага в общественном сознании татар-мусульман Казанской губернии в 1914–1915 гг.

Ключевые слова: Первая мировая война, пленные, образ врага, общественно-политический дискурс.

Perception of War and Captured Tripartite Alliance Tatars of the Kazan Province

E. E. Abdrashitov

Attitude of Tatars of the Kazan province which breaks up to a number of segments, wasn't exposed to the careful analysis from historical community. Long time the Tatar political discourse associated with Muslim, despite that these concepts far aren't equivalent. In article attempt of reconstruction of an image of war and the enemy in public consciousness of Muslim Tatars of the Kazan province in 1914–1915 is undertaken.

Key words: First World War, captured, image of the enemy, political discourse.

В начале XX в. татарский народ пришел к тому состоянию, когда массы начали осознавать национальную идентичность, а элита начала делать первые шаги к формированию национальной государственности. Как отмечал историк А. Ю. Хабутдинов, был очевидно «движение, направленное на создание нации европейского типа»¹. При этом сразу же необходимо оговориться, что опыт Казанского ханства не фигурировал в качестве национальной идеи. Татарское население стремилось получить своеобразную автономию, но в рамках Российской империи. Процесс самоидентификации татарского народа происходил крайне болезненно, так как был связан с ломкой традиционных ценностей и поиском новых идеалов. Именно в этот период разгорелась борьба между представителями философии «джадидизма» и «кадимизма». Вопрос о национальном самоопределении стоял весьма остро.

Большая часть татарского населения Казанской губернии с сочувствием относилась к деятельности представителей элиты, однако вела себя крайне осторожно в общении с представителями власти и иных национальностей. Татары внимательно следили за деятельностью народов Польши и Финляндии, которые активно боролись за национальное самоопределение. Этот факт не остался без внимания со стороны Казанского губернского жандармского управления (КГЖУ). Указывалось, что татары стремятся к получению широких прав или автономии, но демонстрировать открыто свои устремления опасаются, боясь репрессий.

В начале XX в. в национальной периодической печати был поставлен вопрос о самоопределении татар как нации; мусульманское население Казанской губернии, и особенно татары г. Казани, осознавали свою инаковость и находились в поиске. В большинстве своем татары в этот период склонялись к необходимости проведения реформ. Как отмечал А. Беннингсен: «реформы Гаспринского, направленные на возрождение Ислама, включили в себя три основных аспекта. Сотрудничество с Западом, модернизация школьной системы и духовное, прежде всего политическое единство, тюрко-мусульманского мира»².

Вслед за Исмаиль-бей Гаспринским на страницах средств массовой информации постоянно поднимался вопрос о необходимости изменения системы ценностей татарского народа. Во-первых, был поднят вопрос об образованности татарского населения. Как считали передовые люди того времени, образование необходимо; «в то время, как большинство народов Европы далеко ушли вперед в плане науки и образования, татарское население прозябает в безграмотности», – так писал редактор газеты «Вақыт»³. Один из богатейших представителей татарского народа Загидулла Шафигуллин, сформировавший в ауле Акзегитово Цивильского уезда один из центров джадидизма, говорил: «мы прежде были не совсем образованными, поэтому русские победили нас, теперь мы стараемся образовываться и потом когда будем образованны, тогда можно будет из своей среды выбрать короля в Казани и у нас будет Татарское царство»⁴. Естественно вопрос о создании системы светского образования не ставился, однако наряду с сохранением конфессионального характера мектебе и медресе они должны были давать светские знания на уровне российских гимназий⁵.

Следует отметить, что вопрос об образовании во многом был вопросом политическим, так как строился на базе проблемы выбора основ для образования. Хотя вопрос о создании системы светского образования как таковой не поднимался, в новометодных медресе «Галия» только 28,2 % времени отдавалось на откуп религиозным дисциплинам, а в медресе «Буби» процент составлял и того меньше – 16⁶. Поэтому дискуссии среди общественных деятелей шли очень остро в вопросах о том, чему и как учить. Наметилось противостояние двух общественно-политических течений: «джадидизма» и «кадимизма», которое скорее напоминало «состояние войны»⁷.

Основное отличие заключалось в том, что в новометодных медресе, в том числе и женских, работали преподаватели, прошедшие стажировку в теологических учебных заведениях Османской империи, Египта и других стран. Соответственно их обучение строилось на идеях пантюркизма и панисламизма; многие были близки к младотуркам. При этом, говоря об идеологии пантюркизма, мы не имеем в виду понимание этого феномена как «течения, направленного к объединению всех тюркских мусульманских народностей в турецкое государство»⁸. Еще Р. Н. Нафигов убедительно доказал, что отождествление джадидистского движения с пантюркизмом происходило исключительно стараниями царской жандармерии⁹; именно эта точка зрения предлагалась жандармерией казанским властям и центральному правительству.

Джадидизм был воплощением пробуждения национального самосознания татарского народа, который распространился и на иных территориях, нежели Казанская губерния, но действовал

только в рамках России¹⁰. Основной идеей было просвещение татарского народа. Будучи движением просветительского типа, джадидизм развивался в рамках традиционных форм в качестве идеи возвращения к истокам ислама.

Однако, как отмечал Маклаков, в 1913 г. движение в пользу новометодных школ встретило противодействие в лице консервативных представителей мусульманского духовенства¹¹. Представители «кадимизма», который, по мнению Ю. Акчуры, был сугубо татарской идеологией, базировался на трех постулатах: нет европеизации, нет обучению женщин, нет обучению татар на русском языке. Кадимизм имел меньшую социальную базу, зато пользовался всемерной поддержкой правительственных структур, которые в любом новом движении видели опасность для основ самодержавия¹². Кадимисты противились культурным заимствованиям, особенно касающимся традиций народа, и естественно ментальной сердцевины – ислама. Парадоксально то, что представители этого идейного течения выступали против христианизации и русификации, но, тем не менее, считались союзниками правительства в деле борьбы с национальным пробуждением.

Не менее важным вопросом для татарской политической элиты стало наличие прочного экономического фундамента. Следует отметить, что к началу XX в. сформировалась татарская буржуазия, права которой хотя и ущемлялись по сравнению с представителями русской буржуазии, но игнорировать эту силу руководящие органы Казанской губернии уже не могли. К началу Первой мировой войны татарская буржуазия вполне оформилась как структурированная экономическая и политическая сила¹³. Постепенно выдающихся представителей нового слоя стали включать в устоявшиеся политические и руководящие структуры.

Однако стремительный рост в среде представителей среднего слоя буржуазии с определенными специфическими запросами вызвал изменение в расстановке сил на политической и идеологической арене. Именно с их деятельностью, в том числе благотворительной, можно связать расцвет джадидизма в Казанской губернии. Однако власти продолжали пренебрегать мнением татарской буржуазии и не желали менять что-либо в мусульманской политике, определенной пресловутым Постановлением 1870 г. «... в этой связи органичны и взаимосвязаны джадидистские преобразования в системе конфессионального образования, выработка новых принципов мусульманской благотворительности, создание новых институтов гражданского общества»¹⁴.

Обратим внимание на один момент. 10 июля 1892 г. вступил в силу циркуляр Министерства народного просвещения. Согласно этому нормативно-правовому акту, в мектебе и медресе можно было преподавать только по печатным

книгам, прошедшим русскую цензуру. Это вызвало бурю негодования. 7 декабря 1893 г. ряд купцов испросили разрешение у губернатора Казанской губернии направить делегацию в Петербург. 23 марта 1894 г. делегация была принята в Министерстве, и по итогам обсуждения, циркуляр был отменен. Эта маленькая, но знаковая победа определила надолго взаимоотношения татарской элиты и центральных властей. Мысль о возможности мирно и в договорном порядке решать насущные проблемы татарского народа стала определяющей на длительный срок, даже несмотря на то что власти стояли на позиции неделания никаких уступок инородцам. Так, в январе 1911 г. было закрыто медресе «Буби»¹⁵, параллельно развернулась кампания гонений на видных татарских общественных деятелей, многие были вынуждены эмигрировать. Борьба мусульманской фракции в Государственной думе также завершилась фиаско. Была провалена поправка о преподавании на «тюрк йорду» в государственных начальных школах. По закону о введении всеобщего начального образования единственным языком преподавания предполагался русский.

Представленный выше длительный экскурс в историю татарского народа необходим для более правильного понимания специфики происходящих в Казанской губернии после начала Первой мировой войны процессов. Можно констатировать наличие противостояния между представителями татарской национальной интеллигенции и верховной властью Российской империи. Отношения строились на основе борьбы с любой возможной угрозой ограничения власти самодержца. Национальный вопрос, на наш взгляд, являлся, по мнению власти имущих, весьма существенной угрозой полноте власти суверена.

С другой стороны, можно констатировать противостояние и внутри татарской элиты, однако это противостояние несущественно влияло на отношение к народам, исповедующим ислам, в том числе подданным Османской империи.

Именно в ситуации неразрешенного конфликта с центральной властью застала мусульман Поволжья начавшаяся Первая мировая война.

Новость эта стала неожиданностью как для политической элиты, так и для народных масс. Татары, жаждавшие самоопределения, попали в очень непростую ситуацию. С одной стороны, определенная часть татарского населения Поволжья, сознающая себя представителями общероссийского универсума, полагала, что имеется возможность налаживания конструктивного диалога с властью. Поэтому в первые дни войны значительная часть мусульман Поволжья открыто демонстрировала антигерманские настроения. К этой же части населения можно отнести сельских обывателей – татар. В местах компактного их проживания был отмечен подъем

национально-шовинистских настроений. Чтобы подхлестнуть указанные настроения, были выпущены в большом количестве статьи о зверствах немцев; появились даже сборники германофобских стихов. По данным КГЖУ, практически во всех мечетях сразу после начала войны прошли религиозные обряды во имя дарования победы России. Пророссийские настроения были достаточно устойчивы. Так, после неудачного высказывания епископа Амброзия в дер. Шуни Малмыжского уезда Вятской губернии о том, что когда Россия победит Турцию, всех татар живущих в России, крестить начнут, слух этот очень быстро распространился в Мамадышском и Чистопольском уездах. Однако разъяснительных бесед с обывателями хватило, чтобы последние успокоились¹⁶.

На территории Казанской губернии в первые месяцы войны татарское население демонстрировало единство с настроениями русских, также радовалось победам русского оружия. Однако КГЖУ отмечало, что отдельных манифестаций в поддержку войны или против ее ведения не было замечено ни в одном уезде Казанской губернии¹⁷. Одновременно акцентировалось внимание на том, что агрессивность всех слоев населения в среднем поднялась невысоко. Согласно донесению тайного осведомителя КГЖУ Казанцева, 16 сентября 1914 г. «настроение масс из интеллигентной патриотическое, но особенного подъема теперь не замечается»¹⁸. Впрочем, мнение жандармов расходилось с фактами. В ходе первой всеобщей мобилизации 1914 г. общее количество татар, которые отправились на фронт, достигло цифры 960 тыс. человек¹⁹. Многие из этих плохо обученных новобранцев погибли в ходе первых столкновений с противником на Западном фронте. Огромное число их попало в плен. Только в лагере Сосена и Вюнсдорф находилось до 57 тыс. человек²⁰.

Из общего ряда выбивалась Казань, население которой восприняло войну несколько индифферентно даже в первые дни войны. В основном подобные настроения концентрировались в среде либерально настроенной интеллигенции. Именно эта часть татарского населения города относилась к тюркам, поэтому не спешила демонстрировать поддержку российским властям; весть о начале войны была воспринята весьма холодно и сдержанно. Впрочем, после первых локальных побед России на Западном фронте татарская печать была заполнена рассказами о подвигах солдат на фронте; а газета «Юлдуз» даже упоминала о патриотической манифестации 21 августа 1914 г., в которой участвовало более 500 человек.

Как только кровь отхлынула от лица масс, отдельные представители прогрессивной интеллигенции начали призывать мусульманское население к хладнокровию. Замаскировать свои чувства призывал редактор газеты «Юлдуз»

Латыпов; Хасанов, Шараф и редактор «Кояш» Биккулов призывали к сдержанности по примеру поляков²¹. А в дальнейшем выпуск газеты «Кояш» был вообще приостановлен со ссылкой на то, что данная газета существует на частные субсидии, и выпуск патриотических статей делает тираж нерентабельным²². Позже осведомители жандармерии подмечали, что молебны по поводу русских побед совершаются без омовения рук, поэтому недействительны²³.

Сдержанность в материалах прессы можно объяснить не только и не столько стараниями цензуры, сколько растерянностью, которая царила в умах татарской элиты. Впрочем, уже в сентябре 1914 г. в татарской прессе появляются критические статьи, направленные на уменьшение градуса великодержавного настроения среди татар. Политические лидеры и духовенство со страниц газет критиковали татар, которые бросили свои семьи, хозяйство и детей на произвол судьбы и пошли на фронт. Понятно, что открыто выступать с критикой политики высшего руководства страны они не могли, поэтому прибегали к подобной стратегии.

Служащие жандармерии разделяли татарское население на три группы²⁴. К первой группе относили представителей трудового сельского населения. Они воспринимали войну нейтрально, так как не усматривали в войне ничего угрожающего их правам.

Вторая группа сформировалась из мусульманского духовенства, учителей и интеллигенции. Они старались казаться преданными Отечеству, хотя войну не поддерживали, открыто свои настроения не выражали, опасаясь навлечь на себя репрессии и подозрения.

Третья группа – это казанская городская татарская интеллигенция. Настроения в их среде были весьма разнообразные. Однако общий тренд был направлен на поддержку правительства и победу над врагами России. Ярким примером выступал Саид-Гирей Алкин, который упрекал татар за неотзывчивость.

Таким образом, складывается весьма мозаичная картина отношения татарского населения к войне и соответственно к подданным стран-противниц.

Видимо, сознавая недовольство значительной части мусульман Поволжья по поводу начавшейся войны и пытаясь заручиться поддержкой внутри страны, политическое руководство России приняло решение не набирать в действующую армию представителей татарского духовенства. Это вызвало живой отклик среди мусульманского населения. Как отмечал казанский полицмейстер, магометанское население удовлетворено и сильно польщено распоряжением о возвращении со службы их мулл²⁵.

С другой стороны, определенная часть татар осознавала себя частью иного мира – по национальной принадлежности – ближе к тюркам, по

вероисповеданию – к мусульманскому миру. В КГЖУ отмечали, что татары воспринимают русских, и царя в том числе, как неверных. В письмах с фронта цензоры замечали часто встречающиеся клише: «мы томящиеся под властью царской» или «мы имевшие несчастье попасть в руки гяура»²⁶. При этом в письмах с фронта фигурировало два упрека: первый касался того, что мусульманами в войне руководят неверные, а второй, что руководство не доверяет мусульманским воинам, честно исполняющим свой долг перед родиной. Это демонстрирует четкую поляризацию татарского социума. С одной стороны, симпатии татарского населения Поволжья были на стороне России, что было связано с непосредственным участием татарских воинов. Те татары, которые относились к социалистам, акцентировали внимание на возможных негативных последствиях проигрыша Россией войны для трудящихся вообще и рабочего класса в частности, связанное с отторжением части территорий от России, выплатой контрибуции и введением более жестких германских порядков в стране. Татары из буржуазии указывали на серьезные негативные последствия, связанные с вторжением германского капитала в случае победы Тройственного союза.

У другой части мусульманского населения Поволжья, по большей части мусульманского духовенства, учителей и интеллигенции, было иное мнение по поводу войны. По их мнению, поражение России в войне сулило преимущества национальным и религиозным меньшинствам. Расшатавшийся царский престол будет нуждаться в лояльных окраинах, поэтому будут послабления. Кроме того, в противостоянии мусульманской и христианской культур, по мнению ряда лидеров татарского народа, надо находиться на стороне первых. Поэтому неудачное наступление английских и французских экспедиционных корпусов на Дарданеллах было воспринято татарами с радостью²⁷.

Как бы там ни было, мусульманское население в целом демонстрировало выжидательную позицию, боясь открыто вставать на чью-либо сторону²⁸.

Еще более восприятие этой войны усложнилось после вступления Османской империи в войну против России. Отношения Российской империи с Турцией и так носили весьма напряженный характер, а в октябре 1914 г. Османская империя напала на Россию.

На территории Поволжья распространялось обращение османского правителя «Священная война объявлена», содержащее в себе воззвание к мусульманам всего мира с требованием принять участие в войне против неверных. Данное обращение, однако, не оказало существенного влияния на умы обывателей. Как отмечали служащие жандармерии, воззвание оказало значительное влияние только на восприятие непросвещенных татар: «...настоящая война, – считали деревен-

ские татары, – та война, о которой говорится в священных мусульманских книгах... вмешательство Турции, прежде всего, вызовет активизацию напряжения всего мусульманского мира, исповедующего ислам, и приведет к освобождению из-под власти христиан»²⁹.

Не оказала большого влияния и немецкая пропагандистская машина, которая склоняла магометан к коллаборационизму, акцентировала внимание на персональной роли российского царя и его окружения в эскалации войны против Турции и направленности ее против правительства, а не братьев-мусульман³⁰.

Однако радость от вступления Турции в войну против России у определенной части татар была омрачена тем варварским способом, к которому прибегло турецкое командование. Нападение турок на беззащитный русский городок в праздник ошеломляюще действовало на мусульман, радость смешалась с горем³¹. Поэтому даже татарские лидеры находились в растерянности. В своем обращении к мусульманам Поволжья оренбургский муфтий отметил, что Турция начала эту войну, попав под влияние Германии. Особо отмечалось, что Россия – наша родина, и наш долг и обязанность защищать ее³².

Власть имущие отслеживали все изменения в настроениях местного населения. Руководство губернии было в курсе того, как именно татары относятся к войне с Турцией вообще и какое отторжение вызвал акт агрессии против России Османской империи в частности. Председатель казанского временного комитета печати так описывает состояние масс: 1/3 населения остается инертной³³.

Однако несмотря на замешательство в умах татар, начальник КГЖУ в аналитической записке на имя губернатора отмечал, что на преданность и искренность мусульман в войне с Турцией рассчитывать не приходится³⁴. По его мнению, изменение отношения местного населения к войне носит краткосрочный характер; никаких мер по использованию данной ситуации для разжигания чувства ненависти и патриотизма в умах татар предпринято не было, кроме издания многочисленных ура-патриотических публикаций.

Формально мусульмане Казанской губернии вели себя подобающим образом. Однако искренний подъем патриотических чувств и желания исполнять свой долг шире, чем обязанности, как преданного сына России, замечен не был. Губернатор отмечал, что мусульманское население очень сдержанно во всякого рода пожертвованиях на нужды войны³⁵: на нужды войны денег не дают, а на журнал «Ак Юл» собрали 1700 руб.³⁶ Следует заметить, что именно в этом журнале в довоенные годы пропагандировалась пантюркистская идея.

Для сравнения, в то время как на пожертвования казанских обывателей было построено

несколько госпиталей, татары начали решать вопрос о создании лазарета на 50 койко-мест только после публичного обращения Саид-Гирей Алкина, который со страниц газеты «Казанский телеграф» упрекал татар за неотзывчивость³⁷.

Впрочем, открытая демонстрация лояльности, судя по всему, устраивала власть. Несмотря на все опасения руководства Казанской губернии, симпатия к Турции не прогрессировала, а местное население открыто демонстрировало свою лояльность. Горький привкус от начала войны сохранился на долгое время.

Однако руководство губернии «перестраховывалось», опасаясь проявлений коллаборационизма. Выше уже было отмечено, что огромное значение имела неправильная оценка настроения татарского населения, которому приписывался пантюркизм. Поэтому главный начальник Казанской губернии направил письмо директору МВД г-ну Брюну с рекомендацией не направлять турецких военнообязанных на территорию Заволжья, хотя согласно телеграммы № 475 от 4 августа 1914 г. Заволжская часть Казанской губернии, кроме мест, прилегающих к р. Волге и р. Каме, вошла в перечень земель, разрешенных для содержания интернированных и военнопленных³⁸.

Главный начальник Казанской губернии писал: «Если водворение германских и австрийских подданных не вызывало опасений за спокойствие в губернии, то совершенно другое положение создается в губернии, если сюда будут водворяться на жительство турецкие подданные – магометане, так как Казань являлась центром культурной жизни для мусульман, привлекала лучших националистических работников мусульманства, имела живое общение с зарубежным мусульманским миром... и нередко заимствовала отсюда директивы для постановки различных политических вопросов... зачастую враждебные русской государственности. Третью населения составляют мусульмане, которые чутко прислушиваются к жизни своих зарубежных единоверцев»³⁹.

Руководство МВД отнеслось весьма серьезно к аргументам губернатора, поэтому в ответной телеграмме директора Брюна от 3 декабря 1914 г. высылка турок в Казанскую губернию была прекращена⁴⁰, а с 13 января 1915 г. было решено высылать турок в Ярославскую губернию⁴¹.

На момент объявления войны Турцией России в Казанской губернии находилось 28 подданных Османской империи, которые тут же были интернированы⁴². Турецкие военнопленные стали поступать на территорию Поволжья некоторое время спустя. Первая партия турецких военнопленных в количестве 201 человек прибыла в г. Екатеринославль 5 ноября 1915 г.⁴³ Корреспонденты отмечали, что пленные были одеты в лохмотья, у многих не было сапог. Корреспондент другой провинциальной газеты отмечал, что «вид у пленных турок ужасный. Чем дальше к зиме, тем труднее приходится турецкой армии.

Под шинелями у них нет никакой одежды»⁴⁴. Их ужасающий вид вызывал шок у всех, кто с ними столкнулся. Многие пленные говорили, что несколько дней ничего не ели⁴⁵. Местное население, вне зависимости от вероисповедания и национальности, оказывало посильную помощь, подкармливало турецких подданных пленных. Впрочем, вопросы к кухне на предмет ее соответствия «халяль» ставились последними редко. Обыватели отмечали, что пленные едят все без разбора, не интересуясь, какое мясо им дается⁴⁶.

Отношение к турецким подданным со стороны общественно-политического дискурса было весьма неоднородным. Османская империя, сложное государственное образование, имело в своем составе ряд земель населенных славянами. Поэтому отношение к ее подданным формировалось не только исходя из государственной принадлежности, но и из национального и конфессионального признака. Например, еще до вступления в войну Турции директор МВД Российской империи в своей телеграмме отмечал, что *турок-христиан не притеснять*, если не подозреваются в шпионстве⁴⁷. Согласно другому распоряжению центральных властей, всех подданных неприятельских держав, за исключением лиц славянского происхождения, французов, итальянцев, а также *турецких подданных христианского вероисповедания*, надлежало исключить из общественных, частных и правительственных организаций и установлений. На турецкоподданных христиан не распространялись ограничения, предусмотренные для интернированных. Они могли проживать свободно на территории Российской империи. Подчеркивалось, что эти лица не являются ни военнопленными, ни военнообязанными.

Вторым моментом было то, что на территории Казанской губернии присутствовали как военнопленные, так и интернированные турецкие подданные. При этом разноплановость восприятия турецкоподданных можно отметить как в рамках массового восприятия, так и на уровне политических элит. В большинстве интернированные люди имели значимое положение в обществе, были купцами, учеными и др., в силу чего они пользовались заслуженным уважением у татарского населения.

Корреспонденты газеты «Волжское слово» в одной из статей акцентировали внимание публики на судьбе пленных турецких армян, лиц по преимуществу христианского вероисповедания. Автор особо подчеркивал этот момент и связывал его с тем, что армян посылают впереди турецких отрядов. Турки воюют с русскими по принуждению. Пленные голодают и живут грабежами⁴⁸.

Провинциальная пресса также ранжировала пленных по национальности и вероисповеданию. Например, как утверждали корреспонденты газеты «Волжский день»: «...Арабы действительно воевать не хотят... а вот курды, «албаны»

лицемерят, врут»⁴⁹. Чуть позже в той же газете отмечалось, что «пленных турецких подданных везут по национальностям, так как курдов все боятся»⁵⁰. То же правило работало и в отношении татарской прессы. Так, татарские газеты критиковали турецкоподданных арабов, но в связи с восстанием против Турции.

Таким образом, со стороны властных структур лица славянской национальности и (или) христианского вероисповедания пользовались весьма ощутимыми преференциями, как правового характера, так и на уровне риторики. Совершенно другое отношение мы видим к представителям мусульманской фракции турецких подданных. Они в полной мере ощутили на себе отношение администрации к военнообязанным подданным враждебных государств.

Правительственные структуры щепетильно подходили к вопросу содержания турецких военнопленных. Единицы из них были расквартированы на территории Поволжья, подавляющее большинство проезжало через Казанскую губернию только транзитом. Те пленные, которые были размещены в Поволжье, как правило, расселялись в небольших городках или селах с русским населением, не имели возможности посещать Казань и находились под особым присмотром. Военные власти опасались, что татарское население войдет в контакт с пленными и станет им сочувствовать. А это могло быть каналом вербовки агентов или утечки информации, чего допустить было нельзя.

Во многом с опасениями руководства губернии можно согласиться. Турки-магометане обладали общими культурными корнями. Более того, особо опасным было то, что язык турок был очень близок к татарскому, что открывало прямую дорогу к агитации. Поэтому главный начальник Казанской губернии стремился пресечь общение татарского населения с любым турецкоподданным лицом, способным выступать в роли агитатора. Об этом говорит тот факт, что два интернированных турецких подданных мусульманского вероисповедания обратились к казанскому губернатору с просьбой направить их в Казань обосновывая свою просьбу наличием возможности нахождения здесь работы. По профессии один был мулла, второй — учитель. Губернатор в удовлетворении просьбы отказал, но рекомендовал направить их в Ярославль.

По аналогичным причинам правительство Российской империи относилось с крайним недоверием к татарским воинским частям. У самих татар подобное отношение вызывало крайнее возмущение. В письмах воинов-татар отпечатался тот горький осадок, который оставался вследствие постоянного недоверия командования. Солдаты отмечали, что мало того, что приходится постоянно находиться между «гаурами», так еще они и смотрят с подозрением, хотя кровь проливаем на равных.

В отношениях местного татарского населения и пленных подданных Австрийской и Германской империй преобладали иные настроения. Начнем с того, что русскоязычная пресса не имела существенного влияния на татарское население, которое выстраивало свое отношение к представителям иностранных армий и странам вообще только через лично пережитый опыт или татарскую периодику. Выше мы отмечали тот факт, что татарская пресса вела себя очень осторожно, ее публикации носили скорее нейтральный характер; в публичной риторике редко встречались вызывающие обращения и заголовки, прямо оскорбительных высказываний не наблюдалось вообще. Личный опыт татар обуславливался спецификой традиционного уклада и быта. Так, татарские женщины проживали в специально отведенных помещениях в доме отца или мужа; на улице появлялись (за редким исключением) только в сопровождении мужчин. Уже одно это обстоятельство убирало такую болевую точку, как общение военнопленных с женщинами. Существенным обстоятельством было наличие непреодолимого языкового барьера. Только единицы военнопленных австрийских и германских подданных могли общаться с татарскими обывателями. Если с русскими пленными могли хоть как-то изъясняться, с татарским населением пленные общались исключительно знаками. Второй момент заключался в особом отношении правительства Российской империи к пленным австрийцам славянского происхождения. В этой связи отметим, что австрийцев воспринимали хуже немцев; прорусская пропагандистская машина создала образ в массовом сознании, что большинство австрийцев находится на стороне русского народа и государства и воюет только по принуждению. Немцы же воевали против России по собственному почину. На волне антагонизма взаимоотношения пленных и татарских обывателей складывались наилучшим образом.

Все вышеперечисленное сформировало ситуацию, при которой австрийские пленные всех национальностей не имели существенной поддержки среди татарского населения. Мусульманское население оценивало производительность труда австрийских пленных невысоко, постоянно указывая, что те не знают языка и сельскохозяйственной техники. Руководители уездов также отмечали непонимание татарских обывателей и инородцев вообще. В плане сельскохозяйственной техники австрийские крестьяне ушли далеко в деле механизации и с большим неудовольствием относились к отсталым технологиям. Татарское население, воспроизводившее во многом традиционный уклад, не желало скоротечных изменений, поэтому относилось к нововведениям подозрительно. Это стало основной причиной того, что пленных австрийцев не направляли на сельскохозяйственные работы в нерусские деревни.

В татарской прессе прослеживается прохладное, но при этом достаточно корректное отношение к австрийским пленным. Их характеризовали терминами «слабые», «гяуры» (неверные), «болтливые», то есть особо отмечались некоторые стороны их бытия, без попыток навесить обидные ярлыки. Например, «кяфир» (безбожник) не фигурировало в средствах массовой информации.

Другое отношение мы можем фиксировать к немецким пленным. Оно складывалось из нескольких факторов. Во-первых, пропагандистский аспект. Часть татарского социума воспринимала немцев как подданных страны, подтолкнувшей Турцию к войне, то есть не как союзников, а как зачинщиков войны. Другая часть относилась к пленным как к союзникам Турции, то есть положительно. Сами немцы отмечали более теплое отношение со стороны мусульман. Так, например, председатель военно-цензурной комиссии указывал, что были обнаружены два письма военнообязанных немцев (Мамадышский уезд и Уфимский уезд), авторы которых в коротких словах пишут о простоте деревенских татар, местностей, где они живут, и *прямо заявляют, что татары хорошо относятся к ним, так как сочувствуют германцам, воюющим рука об руку с турками против русских*, и было бы полезно поселять немцев для дальнейшего жительства в тех местностях, где нет татар⁵¹.

Интересно отметить, что татарская пресса после активизации военной цензуры вела себя крайне осторожно. Вопросы, связанные с национальным самоопределением, на страницах татарских газет практически не поднимались. Чиновники КГЖУ в отчетах на имя губернатора особо отмечали, что в татарских газетах все очень сдержанно. Нет агитации населения ни за, ни против войны⁵².

Впрочем, как отмечали те же цензоры, татарская пресса стала прибегать к более изощренным приемам подачи информации, по внешнему виду и форме лояльной, но по содержанию – антиправительственной направленности. Например, в ряде статей вместо «наши войска» писали «русские войска»; не употреблялись хвалебные эпитеты. Часть публикаций была написана в таком стиле, что цензура не допускала их к публикации.

Среди либерально настроенных представителей татарской интеллигенции популярна была идея, что правительство Российской империи пойдет навстречу интересам народов, проливающим кровь за общую родину. Примечательна в этом плане статья в газете «Кояш» под названием «Что нам нужно сделать?». В ней автор писал, что в то время, «как другие национальности всячески стараются сделать известными заслуги своих родичей на театре войны, татары совершенно не заботятся об этом. Между тем премьер сказал, что после войны каждая народность получит от правительства культурные и правовые привиле-

гии сообразно степени тех жертв, которые были принесены ей для своей родины»⁵³.

20 июня 1915 г. К. М. Тевкелев от имени думских представителей латышей, литовцев, эстонцев, армян, евреев и мусульман заявил: «...мы выражаем ...глубокую уверенность, что в деле отражения врага и победы над ним одним из главных условий успеха является подъем духа в среде населяющих Россию народов и возможность свободного приложения для каждого из них сил на общее дело борьбы с врагом, и что такое положение может быть лучше всего достигнуто при обеспечении входящим в состав России народностям гражданского и национального равноправия»⁵⁴.

Заявление было отклонено 190 голосами против 162 и, по мнению А. Ю. Хабутдинова, это стало последней попыткой достижения компромисса нерусского населения с думским большинством⁵⁵. Правительство продемонстрировало свое нежелание идти на уступки национальным меньшинствам и практически открыто показало недейственность думского механизма обратной связи с населением.

Назначение муфтием, придерживающимся крайне правых взглядов С. Баязитова, парализовало единственный официальный канал для отношений татарского общества и царской администрации. В прессе развернулась кампания с критикой муфтия, однако существенных последствий она не имела. И с этого момента татарская элита начинает поддерживать силы, которые хотели свержения самодержавия.

Именно с лета 1915 г. меняется тональность газетных статей, которые становятся более агрессивными по отношению к мероприятиям, проводимым центральной властью, несмотря на все меры, принимаемые цензурными органами. Одновременно можно отметить появление более теплых ноток в прессе, при описании условий проживания пленных подданных стран Тройственного союза.

Таким образом, в вопросе восприятия татарами военнопленных четко прослеживается взаимосвязь с восприятием ими самой войны и взаимоотношений с центральными властями. До лета 1915 г. позиция татарских средств массовой информации была выжидательной, умеренной. Характеризуя военнопленных, избегали применения ярких или негативных образов, заменяя их терминами бытийного свойства, не способных оскорбить, либо которые можно использовать как в создании положительного, так и отрицательного образа.

Примечания

- ¹ Хабутдинов А. Ю. Татарские общественные движения в российском сообществе (конец XVIII – начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2002. С. 3.
- ² Benningsen A. Lemerrier Quelquejay Ch. La presse et le mouvement national chez les Musulmans De Russie avant. Paris, 1960.

- ³ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 908. Л. 78.
- ⁴ Там же. Д. 786. Л. 93.
- ⁵ См.: Абдуллин Я. Г. Джадизм среди татар : возникновение, развитие и историческое место. Казань, 1998. С. 9.
- ⁶ См.: Камалов Т. Зия Камали. Казань, 1997. С. 10–17.
- ⁷ Хабутдинов А. Ю. Указ. соч. С. 28.
- ⁸ Малая советская энциклопедия : в 11 т. М., 1938. Т. 7. С. 922.
- ⁹ См.: Нафигов Р. Н. Формирование и развитие татарской общественно-политической мысли. Казань, 1964. С. 50–53.
- ¹⁰ См.: Кузнецов И. Д. Национальные движения в период первой революции в России. Чебоксары, 1935. С. 252.
- ¹¹ См.: Армаруни А., Габидулла Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России М., 1931. С. 12–20.
- ¹² См.: Абдуллин Я. Г. Указ. соч. С. 16.
- ¹³ См.: Салихов Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX века. Казань, 2001. С. 111.
- ¹⁴ Там же. С. 51.
- ¹⁵ См.: Магдеев М. Социальные корни таланта. Казань, 1990. С. 110–112.
- ¹⁶ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1021. Л. 8.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862. Л. 12.
- ¹⁸ Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 922. Л. 81.
- ¹⁹ См.: Исхаки Г. Татарская военная организация во время войны // Wostok – Orient. Варшава, 1932. № 1–2 (5–6). С. 18.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862. Л. 66.
- ²² Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 948. Л. 161.
- ²³ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862. Л. 37.
- ²⁴ Там же. Л. 61.
- ²⁵ НА РТ. Ф. 12. Оп. 6. Д. 942. Л. 169.
- ²⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862.
- ²⁷ Там же. Д. 943. Л. 28.
- ²⁸ Там же. Д. 862.
- ²⁹ Там же. Л. 4.
- ³⁰ Там же. Д. 917. Л. 452.
- ³¹ Там же. Д. 862. Л. 43.
- ³² Там же. Д. 913. Л. 140.
- ³³ Там же. Д. 862. Л. 89.
- ³⁴ Там же. Л. 77.
- ³⁵ Там же. Д. 942. Л. 175.
- ³⁶ Там же. Д. 862. Л. 26.
- ³⁷ Алкин С. Стыд и позор // Казанский телеграф. 1915. № 6539. 29 марта.
- ³⁸ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 917. Л. 62.
- ³⁹ Там же. Д. 1320. Л. 14.
- ⁴⁰ Там же. Л. 17.
- ⁴¹ Там же. Л. 136.
- ⁴² Там же. Д. 913. Л. 21.
- ⁴³ Волжское слово. 1914. № 2115. 5 ноября.
- ⁴⁴ Волжский день. 1915. № 6. 9 января.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Волжский день. 1915. № 21. 27 января.
- ⁴⁷ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 6.
- ⁴⁸ Волжское слово. 1914. № 2126. 18 ноября.
- ⁴⁹ Волжский день. 1915. № 6. 9 января.
- ⁵⁰ Там же. № 21. 27 января.
- ⁵¹ НА РТ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 259. Л. 21.
- ⁵² Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862. Л. 201.
- ⁵³ Там же. Д. 1073. Л. 558.
- ⁵⁴ Государственная дума : стенограмма. Отчеты : Созыв 4, сессия 4. Пг., 1915. Стб. 187, 196.
- ⁵⁵ Хабутдинов А. Ю. Указ. соч. С. 254.

УДК 94(47).083+929 Леонтьева

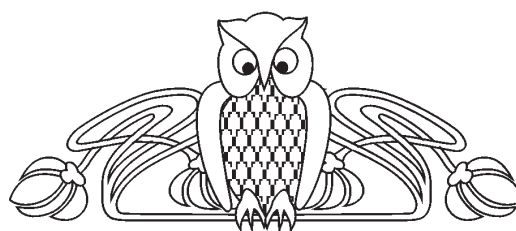
ТАТЬЯНА ЛЕОНТЬЕВА И «МУКДЕН РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

А. А. Калмыкова

Саратовский государственный университет
E-mail: anno12domini@gmail.com

В статье проводится анализ личности и деятельности Татьяны Леонтьевой, которая представляет собой характерный образ молодой эсерки-террористки, что необходимо для понимания специфики феномена женского терроризма в России в начале XX века. В контексте данной проблемы рассматривается поворотный момент в истории Боевой организации партии социалистов-революционеров – разгром её петербургского отдела в марте 1905 года.

Ключевые слова: революционный терроризм, Боевая организация, эсеры, Департамент полиции, психические отклонения, Татьяна Леонтьева.

Tatyana Leontyeva and «Mukden Russian Revolution»

A. A. Kalmykova

The following article seeks to analyze the personality and activities of Tatyana Leontyeva, who represents a typical case essential for understanding the specifics of the phenomenon of female terrorism in Russia in the beginning of XX century. Within the scope of the analysis we shall examine the turning point in the history of the Socialist-Revolutionary Combat Organization, namely, the defeat of its St. Petersburg Committee in March 1905.